

Кругозор Г.П. Богомякова как ученого не ограничивался только вопросами геологии. 22 февраля 1966 г. бюро Тюменского обкома КПСС приняло постановление «О создании совета по координации научной разработки проблем комплексного освоения месторождений нефти и газа, лесных и рыбных богатств области». Председателем совета был утвержден А.К. Протозанов, в состав совета вошли Смородинсков, Петровец, Муравленко, Эрвье, Барсуков, Ансимов, Косухин, Лебедев, Ростовцев, Межлумов, Корягин, Жуков, Малов, Петкевич, Царапкин, Дзюбанчук, Оленев-Богданов, Искандеров, Полетика, Бешкильцев, Богомяков, Ровнин, Сидоров, Адров, Ботогонов, Злобин, Юровский. Бюро обкома партии поручило координационному совету разработать проблемную тематику научно-исследовательских работ по комплексному освоению и эксплуатации месторождений нефти и газа, лесных и рыбных запасов, строительству с привлечением научных работников вузов и научно-исследовательских институтов. (Нефть и газ Тюмени в документах, т.2, Свердловск, 1973, с. 32).

Сам факт появления такого совета свидетельствует о том, что уже на самом первом этапе создания главной топливно-энергетической базы страны ставилась задача комплексного освоения территории Западной Сибири. В составе совета преобладают администраторы и хозяйственные руководители, в связи с чем сложно переоценить роль ученых для его эффективной деятельности.

Много времени и сил заняло участие Г.П. Богомякова в борьбе против строительства Нижне-Обской ГЭС. Для того, чтобы представить, с какими силами пришлось столкнуться оппонентам этого грандиозного по абсурдности и катастрофическим последствиям для Западной Сибири проекта, необходимо провести небольшой исторический экскурс. В газете «Советская Россия», органе ЦК КПСС, в 1957 г. сообщалось: *«Ниже Новосибирска намечено сооружение еще шести гидроэлектростанций – Батуринской и Киреевской в верховье реки; Чулымской, Тымской и Вахской – на Средней Оби и Нижне-Обской – в низовье реки.*

Наибольший интерес представит Нижне-Обская ГЭС. Мощность ее небывалая. Она как бы сольет воедино гигантскую силу Оби, Иртыша и всех остальных притоков. Эту ГЭС предполагается соорудить у границы Северного Полярного круга в десяти километрах ниже от Салехарда. В состав гидроузла войдут: земляная плотина протяжением около 12 километров, здание гидростанции длиной более 700 метров, два двухкамерных шлюза. Водосливной плотины здесь не будет. Весенние паводковые воды задержатся в гигантском водохранилище площадью 90 тысяч квадратных километров. Это водохранилище сможет вместить три годовых стока воды Обского бассейна. По своей площади оно почти втрое превзойдет озеро Байкал». (Ленинская правда, 1957, №206 от 17.10, с. 3). Активно формировалось общественное мнение, что строительство Нижне-Обской ГЭС будет благом, хотя совершенно очевидно, что такое строительство нанесло бы непоправимый ущерб как в экологическом, так и в социальном плане. Затоплению подлежала наиболее благоустроенная и обжитая часть, где находились все открытые запасы полезных ископаемых. Не следует забывать, что решение о строительстве ГЭС в районе Ангальского мыса принималось в обстановке своеобразной эйфории в верхах, которые собирались построить коммунизм в СССР к 1980 г., и именно в эту Программу КПСС уже было включено решение о её строительстве.

Один из первооткрывателей тюменской нефти Ф.К. Салманов в своей книге рассказал об аргументах в пользу строительства Нижне-Обской ГЭС представителей Госплана СССР, в 1962 г. специально прибывших в Тюменскую область:

«Летом в Сургутское Приобье прибыла комиссия из Госплана СССР. Она должна была на месте изучить проблемы народнохозяйственного развития комплекса Западной Сибири в связи с намечавшимся строительством Нижне-Обской ГЭС. Включили в комиссию меня, а сопровождающим стал Геннадий Павлович Богомяков. По образованию он инженер-гидрогеолог, и не случайно именно ему поручили столь ответственную миссию.

Наш катер «Баку» шел курсом на восток. Если б знали сибиряки, что группа людей на борту решает, быть или не быть на великой реке привычному пейзажу! От них зависело, какой судовой ход будет значиться в лоциях, и останутся ли вскоре этот удлинённый безлесый островок посреди реки и

небольшая деревенька на пологом её берегу, или назначено им будет скрыться под толщей воды, как и сотням других от самого Полярного круга. Самый молодой из членов комиссии пристально посмотрел на меня, словно пытаясь прочесть мои мысли. Наконец произнес без особого подъема:

– Сибирская Амазонка, не правда ли?

Я утвердительно кивнул. Сравнение достаточно верное. Бассейн Оби с многочисленными ее притоками занимает самую большую площадь в стране.

– Три миллиона квадратных километров, - напомнил мой знакомый. – И такую прорву воды уносит в океан без всякой пользы.

– Отчего же? Река кормит. Для многих она единственная дорога. – Я показал на удаляющийся пароход. – И потом...

– Только не говорите красивых банальностей! - предупредил меня ученый. – Эмоции идут в ход, когда исчерпаны веские аргументы. Разве вы сейчас думаете о рыбе, которая лишится нерестилищ, о лесе, который затопит на корню? Нет ведь? – И пытливо заглянул мне в глаза. – Единственное, что вас реально тревожит, – это затопление площадей, где надо вести разведку. Так?

– Нас это коснется вплотную, – согласился я. – Но...

– И никаких но... – опередил меня собеседник. – А лесорубам, смею уверить, это безразлично. Им бы свой план выполнить. Думаете, речникам ваши проблемы дороги? Или рыбакам? Эти прямо заинтересованы, чтобы нефтью здесь и не пахло. Так что круговой обороны у вас не получается...

Поймите, – продолжал он с неожиданным пафосом, – использовать напор столь колоссального стока просто необходимо. Плотина – глобальный переворот в экономике края. Это стерильная энергия, это наш заслон природной расточительности. И какой заслон! По этой станции будут судить о возможностях всей страны. Оторвитесь, наконец, от конкретности, измените масштаб... – Он явно был раздосадован сопротивлением тюменских геологов. – Вы шумите больше всех. А что можете противопоставить такой гармонии целесообразности, пользы и красоты. Что? Одни догадки!

Я собирался с мыслями, чтобы возразить. Но тут подошел профессор А.Е. Пробст, работавший в Госплане.

– Позвольте поинтересоваться ближайшими возможностями вашей экспедиции, – с несколько старомодной вежливостью обратился он.

Я стал подробно излагать состояние дел... Ни для Пробста, ни для профессора Славина, специалиста по проблемам Севера, не явились секретом расхождения в оценках топливных ресурсов Западной Сибири. В Госплане уже был рассмотрен документ, составленный группой научных работников под руководством Ростовцева. В нем назывались возможные цифры добычи углеводородного сырья, убеждавшие в нецелесообразности затопления северных земель Тюменской области. Но некоторые геологи и производственники послали вдогонку свою прогнозную оценку, которая в тридцать раз снижала перспективы и уровень возможной добычи. Такое расхождение, конечно, всех настораживало. Вместе с тем создание геологического института в Тюмени помогло ученым-оптимистам утверждать свою стратегическую линию. В самой гуще конфликтов оказался и Богомяков.

Комиссия побывала на трех буровых нашей экспедиции, но особенно тщательно исследовала «нефтяной остров». Заросшие лиловатым иван-чаем и багульником леса, дикий малинник, пойменное разнотравье вовсе не привлекли внимания специалистов. На берегу Юганской Оби они всматривались в густые сплетения тальника, определяя по ним абсолютные отметки уровня воды в половодье. Иногда мне казалось, что москвичи потеряли всякий интерес к путешествию, разморенные липкой жарой. Но я ошибся.

Члены комиссии уцепились за много острых проблем. Мы старались уйти от споров с учеными, так что иногда председатель комиссии сознательно раззадоривал молодых тюменцев. Не только я, но и более сдержанный Богомяков все же ввязывались в полемику. Явный перевес сил был не нашей стороне, правда, и среди членов комиссии возникли разногласия. Богомяков приводил всё новые аргументы, подкреплявшие нашу позицию. При возведении плотины под воду уйдут месторождения газа и нефти с энергией, в десятки раз превышающей мощность гидростанции. Потеря лишь ежегодного

прироста хвойных деревьев сведет на нет все кажущиеся выгоды. И, наконец, Геннадий Павлович особенно выделял скрытую угрозу всему бассейну Оби от изменения устойчивой системы дренирования, уничтожения взаимосвязей в природном равновесии.

На гидросамолете мы облетели всё Сургутское Приобье, более четырех часов показывая с воздуха Мегионское и Усть-Балыкское месторождения, лесные массивы, раскинувшиеся между Нефтеюганском и Демьянском, озера в Пиме. Сидя у иллюминатора, члены комиссии внимательно осматривали местность и что-то отмечали в своих блокнотах.

Изучив все материалы, комиссия согласилась с нами в том, что строительство Нижнее-Обской ГЭС сделает невозможным комплексное использование богатств бассейна нижней и средней Оби, и в первую очередь нефти и газа.

Мне уже более не довелось повстречать новых знакомых, а вот Геннадию Павловичу через полгода пришлось участвовать в специальном заседании экспертно-экономического совета Госплана СССР, посвященном той же проблеме. Именно тогда, в январе 1963 года, идея строительства гидроэлектростанции из-за недостаточного учета интересов всех отраслей хозяйства была отклонена».

(Ф.К. Салманов. Сибирь – судьба моя, М., 1988, с. 188-191).

Интересная деталь – в местной прессе не удалось обнаружить никаких следов пребывания столь авторитетной комиссии в Тюменской области. Более того, примерно в это же время в «Тюменской правде» – печатном органе обкома КПСС появилось фото с категоричной подписью – «Здесь будет построена Нижне-Обская ГЭС». (Тюменская правда, 1962, № 113 от 15.05, с. 3).

В запасе у сторонников строительства ГЭС в районе Салехарда имелись самые различные аргументы. В 1960 г. в «Литературной газете» на весь разворот появились две статьи. Автором одной из них – «Ла-Манш – Мезень – Обь» был советский инженер, кандидат технических наук Л. Бернштейн, второй – Р. Жибра, профессор, инженер-консультант Энергоуправления Франции по приливным электростанциям.

Мотивируя тем, что предлагается «грандиозный замысел благоустройства нашей планеты», «противостоящий черным планам войны», для осуществления которого «необходимы дружба и братство народов», Л. Бернштейн, в частности, писал: «По данным ООН, Западной Европе при намеченном на 1975 год уровне потребления в 1400 млрд. квт-ч будет не хватать примерно 600 миллиардов киловатт-часов. Для покрытия дефицита предполагается импорт каменного угля и строительство атомных электростанций.

Между тем, энергия прилива у побережья Англии и Франции позволяет соорудить здесь мощные ПЭС (приливные электростанции), которые, по нашим расчетам, при сочетании с речными гидростанциями могли бы вырабатывать до 180 миллиардов квт-ч. Одна лишь установка, отсекающая побережье у полуострова Котантен, способна дать 120 млрд. квт-ч. Мощности эти могли бы быть использованы для покрытия потребности Европы в электроэнергии в часы пик.

Рельеф Франции, характер питания ее рек не позволяют, однако, создать здесь речные водохранилища, обеспечивающие регулирование прилива. Частично решить эту задачу можно было бы, соединив приливные электростанции Англии и Франции в одну систему с гидроэлектростанциями Швейцарии, Швеции и Норвегии. Но наиболее гармоничное решение достигается в более широком плане.

На просторах нашей страны, где текут могучие равнинные реки, в нетронутых целинных районах Севера, за Уральским хребтом могут быть созданы гигантские водохранилища, которые способны обеспечить не только многолетнее выравнивание собственного стока рек, но и полное регулирование энергии приливов Ла-Манша.

В частности, у нас уже запроектировано для переброски вод северных рек в Волгу водохранилище с акваторией в 16 тысяч квадратных километров на водораздельном плато Камы и Печоры. Запасы воды в искусственном море ГЭС, проектирующейся в низовьях Оби, будут еще большими». (Литературная газета, 1960, №22 от 20.02, с.4). Какая трогательная забота об уровне потребления электроэнергии в Европе, в то время как в тысячи деревень России в этот период электроэнергия еще не была даже подана. Поражает другое – бедные салехардцы даже не ведают о том, что в далекой Франции

уже спланировали, какие преимущества получат от затопления их родных мест, не говоря уже о том, куда отправятся тысячи представителей коренных народов севера, которые также пребывали в счастливом неведении. Чтобы опубликовать такой материал, одной смелости главного редактора газеты явно недостаточно. Наверняка вопрос обсуждался в очень высоких инстанциях. Впоследствии аргументы в пользу строительства Нижне-Обской ГЭС изменились, про Западную Европу уже не вспоминали, но активное лоббирование строительства электростанции продолжалось.

Этим утопическим и в прямом, и переносном смысле проектам не суждено было сбыться в первую очередь потому, что благодаря геологоразведке в Тюменской области в 1960 г. была получена первая промышленная нефть. Но даже это не остановило сторонников строительства ГЭС – тратились огромные деньги на проектно-изыскательские работы, а призовой фонд в виде будущих премий и наград за её возведение только вдохновлял гидростроителей на поиск новых аргументов в пользу строительства.

Позицию оппонентов строительства Нижне-Обской ГЭС в «Литературной газете» в 1962 г. в статье «Леса, земли, воды» озвучил писатель С. Залыгин. Ссылаясь на данные ученых, он привел такие цифры: *«Для выработки энергии, эквивалентной тому количеству нефти, которая окажется в зоне затопления, Нижне-Обской ГЭС потребуется от 150 до 500 лет... Потребуется пробурить от 6 до 17 тысяч разведочных скважин, а к ним проложить по дну водохранилища от 18 до 54 тысяч километров подводных каналов или земляных дамб... Для промышленной добычи потребуется создать не менее 100 крупных островов и к ним тоже обеспечить доступ».* (Литературная газета, 1962, №75 от 26.02, с. 2).

Подход гидростроителей к последствиям затопления хорошо демонстрируют ответы представителя Гидропроекта:

«ВОПРОС. Как будет сводиться лес в зоне затопления?

ОТВЕТ. Мы проектируем так называемый «плавучий лесной комбайн». В 1961 году построена секция его головного рабочего органа. Она будет испытана в 1962 году. Испытаем и применим.

ВОПРОС. Затоплено будет несколько сот миллиардов тонн торфа. Будет ли торф использован?

ОТВЕТ. Мы намерены создать плавучий агрегат, который будет торф добывать, брикетировать и транспортировать на берег.

ВОПРОС. В зоне затопления предполагается заложить около 20 тысяч разведочных скважин на нефть. Как они будут выполнены, эти скважины, после затопления?

ОТВЕТ. На итальянской выставке мы видели шагающие буровые агрегаты. Применим такие же». (Там же).

Даже этот короткий диалог человеку, не имеющему инженерного образования, позволяет предоставить, на какие сложности в случае затопления огромной территории обрекались геологи, нефтяники и газовики.

Спустя многие годы С.П. Залыгин признавал, что он это сражение выиграть в одиночку бы не смог. Если учесть, что в Программе КПСС отдельным пунктом было записано о строительстве Нижне-Обской ГЭС, то задача остановить уже запланированную стройку представляется неразрешимой, во всяком случае, лобовой атакой такие задачи не решаются. Сторонники строительства ГЭС имели мощную поддержку на всех этапах власти, о чем свидетельствует Залыгин: *«...В Гидропроекте возникло ТЭО (технико-экономическое обоснование) проекта Нижне-Обской ГЭС (5 млн квт), и я ужаснулся, был потрясен. Я ведь в свое время был и гидрологом, начальником гидрографических работ по Западной Сибири, я работал в створе Ангальского мыса (Салехард), в котором намечалось строить ГЭС, и зрительно, как наяву, представлял себе, что натворит в природе великой низменности водохранилище площадью 132 тыс. квадратных километров, а что – в режиме Карского моря, которое не зря называют «кухней погоды»... Деятели Гидропроекта – они только-только вылезли к тому времени из генеральских погон, которые навешивал на них Берия и др... привычки же остались у них прежние – те*

костерили меня как врага, наверное, врага народа... И я вряд ли победил бы эту глупость, если бы у меня не было союзников. Я о них не знал, но они знали обо мне, зная, в гласную часть проблемы не включались, предпочитали «не засвечиваться», подставляли меня. Действовали за сценой, но, вероятно, только поэтому три моих статьи и увидели свет в «Литгазете» – в газете для теневых умов оказавшейся удобной, самой удобной: писательская, а мало ли что писателям взбредет на ум?!

Этими теневиками (которые, конечно же, имели своих людей и в Госплане, и в Совмине, и в академических кругах, не знаю – имели или нет в ЦК: там никто не засвечивался) были геологоразведчики – они-то знали, какие страна (и они сами по себе) потерпит убытки в связи с затоплением.

Через 15 лет, на писательском выезде в Тюмень, тамошний 1-й секретарь обкома Г.П. Богомяков, недавний геологоразведчик нефти и газа, в своем обширном выступлении так объявил: 15 лет тому назад, день в день, Госплан, обсуждая статьи Залыгина, отменил ТЭО Нижне-Обской ГЭС. Он же и рассказал, как это было.

Они, геологи, человек что-то около десяти, встали в гостинице рано и отправились в газетные киоски еще до открытия. Киоски открылись, они купили «Литгазету», с моей последней статьей (значит, знали о ней заранее?), экземпляров около ста, пошли в Госплан, развесили «Литературку» на спинки стульев зала заседаний.

Когда собрались все участники заседания (кажется, был и Косыгин), на них это произвело впечатление: кто велел развесить газету? А вдруг – высокое начальство?

Так или иначе, но на том заседании ТЭО было отклонено, а на нашей тюменской встрече я впервые узнал, как было дело, и мы с Богомяковым обнимались». (Октябрь, 2003, №10, с. 2, 3, 4-5).

За всем этим угадывается очень грамотная режиссура, без которой невозможно было одолеть сторонников строительства ГЭС. Много позже, в 2008 г., сам Г.П. Богомяков вспоминал события минувших дней: «В случае постройки Нижне-Обской ГЭС подъем воды доходил до Тюмени, до Томской области, даже до Омской через Васьюганские болота... Всё шло к заключению экспертной комиссии Госплана. При Госплане была интереснейшая организация – Совет по изучению производительных сил. Возглавлял ее Николай Николаевич Некрасов, у него работали очень компетентные ученые. Я с ним договорился, он прислал пять ведущих профессоров, знающих эту обстановку. С Петром Николаевичем Загваздиным – начальником управления рыбного хозяйства, договорился о катере. В Тобольске всей группой сели на катер и ушли сначала на Сургут, а потом до Салехарда. В Мужах спросил первого секретаря Шурышкарского райкома партии, как он относится к идее строительства гидроэлектростанции. Он стал говорить, что «весь мир бреется уже электробритвами, а они до сих пор «скоблятся» обыкновенными». Я спросил: «На какой высотной отметке село?» Конечно, он этого не знал, но знал я: «На восемнадцати метрах, и когда вода в Салехарде у плотины поднимется до 42 метров, здесь будет 43-45, то тебя переселят на Урал за 150 километров отсюда». Эта профессорская группа хорошо поработала, подготовила документы для заседания экспертной комиссии Госплана... Спустя некоторое время из Тюмени на заседание комиссии Госплана мы прилетели впятером: второй секретарь промышленного обкома партии Евгений Андреевич Огороднов, Юрий Георгиевич Эрвье, лесник Михаил Иванович Ардов, рыбак Петр Николаевич Загваздин и я – в то время директор филиала СНИИГТИМСа. Совещание было очень представительное, запланированных выступающих было 18 человек. Заключение, разрешающее делать проектное задание ГЭС, подписали четыре академика и сорок докторов наук. Среди них был и первый заместитель председателя Комитета по топливу С.А. Оруджев. Первыми, естественно, выступил автор проекта – Ольмер и в его поддержку профессор Миллер. После них выступали тюменцы – Ардов, Загваздин, я и Эрвье. Я знаком с практикой подобных совещаний – если надо кого-то побить, то дай ему первому выступить. Потом остальные выступающие его бьют, а ответить он уже не может – слова-то ему не дают. Но я поразился последующим выступлениям – сколько, оказывается, в стране умных людей. Все участвующие в заседании прозрели. 16 выступающих после нас поддержали наши предложения и были против того, чтобы делать проектное задание на строительство ГЭС, до конца не разобравшись. Вопрос тянулся до октября, пока П.Н. Ломако из Совета Министров не поручили до конца его прояснить. Он собрал с десятков министров в октябре,

объяснил им, что зависит вопрос с добычей нефти в Западной Сибири, и в десятидневный срок дал им поручение представить свои заключения. Первый секретарь обкома КПСС Протозанов поручил мне не уезжать из Москвы, пока не получу заключения министерств. Я, в свою очередь, занялся расчетами по ущербу от ГЭС. Вы не найдете, какой научный институт подсчитал ущерб от строительства Нижне-Обской ГЭС. Это сделал я за два вечера в гостинице «Москва» – она находилась через дорогу от Госплана, там, где сейчас Государственная Дума заседает. При стоимости строительства ГЭС в 1,4 млрд. рублей ущерб от неё для народного хозяйства составлял 8-10 млрд. рублей. И это было принято Госпланом!

Мы не могли выступать с какими-то официальными решениями обкома против решений съезда, поэтому действовали спокойно, без решений». (Фильм «Плотина», Регион-Тюмень, 2008).

Г.П. Богомяков участвовал во всех экспертных заседаниях по строительству Нижне-Обской ГЭС, и впервые публично озвучил свою роль в этой истории, хотя авторы многих мемуаров уже заявили себя чуть ли не единственными творцами успеха в борьбе против строительства Нижне-Обской ГЭС. Для того, чтобы определить истинную роль Г.П. Богомякова в этой истории (фактически, одну из решающих) пришлось проводить почти детективное расследование (ПРИЛОЖЕНИЕ 3).

С.П. Залыгин, подводя итоги своей жизни, считал, что если ему есть чем гордиться, «так это – те самые годы 1961 – 1964, Нижняя Обь и повесть «На Иртыше». (Октябрь, там же, с. 5).

Спустя многие годы Г.П. Богомяков в ответ на предположения, что в Тюмени жили «под диктовку из центра», сказал следующее: «Нет, с самых первых времен не жили. Почему? Ну, например, диктовка многих видных руководителей центра и институтов была такая: построить в районе Салехарда - Ангальского мыса на р. Оби крупнейшую гидроэлектростанцию на шесть-семь миллионов киловатт установленной мощности. Для этого надо было затопить водохранилищем сто сорок (!) тысяч квадратных километров, создав плотину высотой 37-41 м. Территория, которая больше многих развитых государств мира. Эта «диктовка» была столь сильна, что уже сделали технико-экономическое обоснование, экспертизу, в которой участвовали академики, доктора наук и признали: делать проектное задание, станции быть. И если бы тюменцы «встали под центр», беда была бы колоссальная. Именно тюменцы боролись против этого, победили и, как теперь совершенно очевидно, были правы». (Налоги, инвестиции, капитал, 2000, №3-4, с.138).

К сказанному следует добавить, что в Тюменском областном центре документации новейшей истории имеется документ от 1963 г. (ГУТО ГАСПИТО ф.п-2010, оп.1 д. 117, лл. 30-46), подписанный директором Тюменского филиала СНИИГГиМС Г. П. Богомяковым, где аргументировано доказывается вред строительства Нижне-Обской ГЭС для Западной Сибири.

В книге «Прометеи сибирской нефти» авторы приводят интересный факт: «Директор Тюменского филиала научно-исследовательского института геологии, геофизики и минерального сырья Г.П. Богомяков произвел расчеты, из которых следовало, что сибирский газ с территории, подлежащей затоплению, может поступить на Урал раньше, чем электроэнергия ГЭС, а годовой объем его добычи вскоре сравняется и в последующем превзойдет выработку электроэнергии ГЭС». (В.В. Алексеев, В. А. Ламин. Прометеи сибирской нефти, С., 1989, с. 188).

Решение по строительству гидроэлектростанции, хотя и было отменено, ещё многие годы аукалось всем, кто осваивал богатства Тюменского Севера. Современник так передает эти события: «На Оби, у Ангальского мыса задумали строить плотину и гидроэлектростанцию. Старый Салехард должен был уйти под воду, а Салехард новый, каменный, многоэтажный встать на том мысу над морем. Проект этого нового города и сейчас висит на стене в исполкоме.

Пока проектировали гидроэлектростанцию, а потом спорили, кому она полезна и кому вредна, можно ее строить или нельзя, прошло четырнадцать лет. За это время будущему «утопленнику» давали средства лишь на то, чтобы кое-как подлататься, как-нибудь перебиться с жильем за счет строительства деревянных домов. Только деревянных, конечно. Кто же будет давать деньги на дома каменные, если их не сегодня-завтра снесут? Лет пять назад эта здравая мысль была закреплена даже специальным и вполне конкретным запрещением: ниже отметки «30» ничего капитального не строить.

А в городе и нет отметок выше. Вот и не строят ничего капитального: ни водопровода, ни канализации, ни дорог. «Работает отметка» - как говорят строители в Салехарде». (Литературная газета, 1966, №96 от 16.08, с. 2).

То же самое говорили строители во всем Среднем Приобье, поскольку в ходе подготовки технико-экономического обоснования (ТЭО) на строительство ГЭС, было принято решение в северных районах не строить ничего капитального ниже отметки 30 метров над уровнем моря, и никто это решение не торопился отменять, а гидростроители рассчитывали вернуться к проекту после 1975 года. Даже в постановлении Совета Министров СССР от 4 декабря 1963 г. было записано: *«Проектирование и строительство городов и крупных промышленных предприятий, связанных с перспективным развитием нефтяной и газовой промышленности в районе среднего течения реки Оби, осуществлять при уровне расположения строительных площадок с отметкой не ниже 30 м, до которой может подняться уровень реки Оби при возможном подпоре её плотиной Нижне-Обской ГЭС».* (Нефть и газ Тюмени, Т. 1. с.295).

В своей статье в газете «Правда» в 1966 г первый секретарь Тюменского обкома Б.Е. Щербина с огорчением констатировал: *«...Чем яснее вырисовывается грандиозность нефтяных и газовых богатств, тем больше накапливается аргументов против строительства Нижнеобской ГЭС. Однако решение вопроса об этой станции все ещё откладывается, и проектировщики сейчас при планировании городов, портов, промышленных сооружений вынуждены учитывать возможность затопления огромных территорий».* (Нефть и газ Тюмени, т. 2, ..с.54).

Дебаты о строительстве Нижне-Обской ГЭС продолжались до начала семидесятых годов.

В 2004 г., оценивая возможные негативные последствия строительства Нижне-Обской ГЭС, бывший глава Госплана СССР Н.К. Байбаков восклицал: *«Подумать только! Чем бы мы были без Тюмени! И чем бы была Тюмень, осуществись этот проект!»* (Нефтегазостроители Западной Сибири, кн.1, М., 2004, с.13).

В наше время, когда критиковать руководителей советского периода стало хорошим тоном и при этом совершенно безопасным делом, дорогого стоит оценка бывшего начальника Главтюменьнефтегаза, заместителя министра нефтяной промышленности СССР, лауреата Ленинской премии В.И. Грайфера: *«В самую пору упомянуть по-доброму двух, в разное время первых секретарей Тюменского обкома партии – Бориса Щербину и Геннадия Богомякова, которые в буквальном смысле спасли Тюменскую область от затопления».* (Нефтеюганский рабочий, 03.01.2002; 001).

За короткое время филиал СНИИГГиМСа превратился в эффективно работающее научное учреждение, что позволило на его базе 1 июля 1964 г. создать Западно-Сибирский научно-исследовательский геологоразведочный нефтяной институт - ЗапСибНИГНИ. Г.П. Богомяков был назначен заместителем директора института по научной работе, а отозванный с поста директора СНИИГГиМСа из Новосибирска доктор геолого-минералогических наук, лауреат Ленинской премии, профессор Н.Н. Ростовцев стал первым директором ЗапСибНИГНИ.

Успехи геологоразведчиков в Тюменской области стали главным аргументом в признании ее перспектив как крупнейшего нефтегазодобывающего района страны для правительства. В директивах XXIII съезда КПСС на восьмью пятилетку, в частности, говорилось: *«Создать крупный народнохозяйственный комплекс на территории Западной Сибири на базе вновь открытых месторождений нефти и газа, а также лесных богатств. Довести в Западной Сибири добычу нефти до 20-25 миллионов тонн...».*

Секретарь обкома КПСС А.К. Протозанов в марте 1965 г. в статье «Тюменские горизонты», подводя своеобразный итог поисковым работам начала 1960-х годов, писал: *«В обширном районе восточнее Урала сейчас созданы условия для быстрого развития нефтяной промышленности, дальнейшего развития нефтяной промышленности, дальнейшего роста производительных сил Западной Сибири».*

За последние годы на территории Тюменской области открыта крупнейшая в Советском Союзе нефтегазоносная провинция. Геологи подсчитали, что прогнозные запасы нефти здесь составляют значительную часть всех прогнозных нефтяных запасов страны. Ожидаемые нефтяные ресурсы Тюмени превосходят запасы таких крупнейших районов, как Башкирская и Татарская автономные республики, Куйбышевская, Волгоградская, Саратовская, Пермская и Оренбургская области, вместе

взятые. Уникальны газовые месторождения Тюменской области. Они оцениваются в пять триллионов кубометров, это значительно больше всех разведанных ныне газоносных месторождений страны.

Первую промышленную нефть в нашей области получили пять лет назад. На территории области известны двадцать нефтяных и 23 газовых месторождения. Эти значительные открытия позволили в прошлом году приступить к освоению месторождений.

У открытых месторождений нефти немало положительных свойств. Главное, конечно, это небольшая глубина залегания продуктивных горизонтов и высокие дебиты скважин. Тюменская нефть обладает хорошим качеством, она малосернистая и слабopарафинистая, в ней содержится больше светлых нефтепродуктов, чем в башкирской и татарской. Как и на нефтяных месторождениях, глубина залегания продуктивных газовых горизонтов сравнительно небольшая, а дебиты составляют 500 – 700 тысяч кубометров в сутки.

У большой нефти Тюмени большие перспективы. Жизнь разбила сомнения маловеров, доказывавших бесплодность поисков нефти на севере нашей области. Теперь совершенно очевидно, что Тюменская область не только располагает огромными топливными ресурсами, но и стоимость добываемой здесь нефти будет ниже, чем во многих других районах страны.

Освоение тюменских богатств – дело, безусловно, непростое. Новые месторождения расположены в районах, где либо совсем нет дорог, либо их очень недостаточно, где очень мало населенных пунктов и суровый климат. Всё это, разумеется, нельзя сбрасывать со счетов, оценивая, во сколько обойдется нефть Тюмени. Но дополнительные затраты в большей степени компенсируются высокой эффективностью работ». (К победе коммунизма, 1965, от 17.03 №33, с. 3).

В июле того же года А.К. Протозанов в статье «Дорога к тюменским сокровищам» отмечал: «Освоение природных запасов области – это вопрос государственной важности, который широко обсуждается в кругах хозяйственников и специалистов. Ускоренное наращивание разведанных запасов позволило обосновать необходимость увеличения добычи нефти. Три года назад предусматривалось довести добычу нефти в нашей области к концу десятилетия до пяти миллионов тонн, однако спустя год эта цифра уже возросла до десяти миллионов тонн. Всё говорит за то, что и этот уровень можно перекрыть в три – четыре раза».] (К победе коммунизма, 1965, №85 от 16.07 с. 2).

В апреле 1966 г. на партийном съезде председатель Совета Министров А.Н. Косыгин в докладе «Директивы XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966 – 1970 гг.» уделил значительное внимание развитию нефтяной и газовой промышленности в Тюменской области. Оценка премьером значимости Западно-Сибирского региона в топливно-энергетическом комплексе страны ставила Тюменскую область на первое место: «В Западной Сибири на базе вновь открытых месторождений нефти и газа будут построены крупные промыслы; к концу пятилетия здесь будет добываться нефти столько, сколько сейчас добывается в Азербайджанской республике. Увеличится в 1,5 раза сеть магистральных газопроводов за счет применения труб большого диаметра». (Материалы XXIII съезда КПСС, М., 1966, с. 132).

В августе 1966 г. приказом по министерству геологии РСФСР институт ЗапСибНИГНИ был определен ведущим научным учреждением среди геологических главков и других институтов в разработке технико-экономического доклада о развитии геологоразведочных работ на газ и добыче газа в северных районах Тюменской области на период до 1975 года для последующего представления в Совет Министров СССР и Госплан СССР. (Нефть и газ Тюмени, т. 2, ...с. 69).

Бывший министр геологии РСФСР, первооткрыватель тюменской нефти Л.И. Ровнин, оценивая роль Г.П. Богомякова в геологоразведочных работах как ученого, вспоминает: «Я, образно говоря, его считал своим советником. Я был главным геологом в Тюмени, а посоветоваться не с кем было. За короткие сроки мы создали самую крупную в РСФСР лабораторию. Геннадий Павлович в геологии помогал, в геофизике помогал, и особенно проявил себя, когда нужно было новые идеи пробивать. Богомяков – это крупный ученый! Потом его, как активного работника, пригласили на работу в обком партии».

Тюменский ученый-геолог А.М. Волков высоко оценил роль директора филиала СНИИГГиМС как ученого: *«Расцвет геологической науки в Тюмени наступил благодаря созданному Г.П. Богомяковым и Н.Н. Ростовцевым институту ЗапСибНИГНИ. Привлечение в институт сильных специалистов, создание творческой атмосферы в коллективе способствовали быстрому повышению качества научных разработок. За короткий срок институт стал центром научной мысли всесоюзного уровня. Его влияние на темпы развития нефтепоисковых работ трудно переоценить.*

К глубокому сожалению, в последние годы ситуация изменилась к худшему и продолжает ухудшаться...

...Новый расцвет геологической науки в принципе возможен. Отдельные «точки роста» сохранились. Необходимо только восстановить единый научный геологический центр в Тюмени, наделить его правом концентрировать всю геологическую информацию, обеспечить современной техникой и поставить во главе человека такого же уровня, как Н.Н. Ростовцев или Г.П. Богомяков, обладавших организаторскими способностями и пониманием современных тенденций в науке». (Энергия Ямала, Е., 2002, с. 576 – 577).

Карьера Г.П. Богомякова как геолога с переходом на партийную работу была закончена, но в дальнейшее развитие геологии в области он внес огромный вклад. То, что открытие нефтяных и газовых месторождений в Западной Сибири справедливо расценивается как «открытие века», никто не считает преувеличением.